

Заклучив союз, славянские народы могут оказывать друг другу хозяйственную и военную помощь. Мы можем это делать теперь с успехом.

Поэтому я пью за союз славянских народов».

В. М. Молотов

**«С РУКОВОДСТВОМ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ
СПРАВИЛСЯ ХОРОШО»**

<Из книги Ф. И. Чуева «140 бесед с Молотовым»>

— Сталин жалел, что согласился на Генералиссимуса. Он всегда жалел. И правильно. Это перестарались Каганович, Берия... Ну и командующие настаивали.

— Кузнецов пишет...

— Он не все знает. Сталин был против. Сожалел: «Зачем мне все это?» Для чего ему какие-то внешние отличия, когда он был всем известный человек! Военные — это одно дело, а Сталин — политик, государственный руководитель. Суворов же не был государственным и партийным деятелем! Ему это звание было нужно. А Сталин — руководитель коммунистического движения, социалистического строительства. Это звание ему было не нужно. Нет, он очень жалел.

30.12.1973

— Сталин только один, имейте в виду, а генералов-то много. Потом было ругался: «Как я согласился?» Вождь всей партии, всего народа и международного движения коммунистического и только Генералиссимус. Это же принижает, а не поднимает! Он был гораздо выше этого! Генералиссимус — специалист в военной области. А он — и в военной, и в партийной, и в международной. Два раза пытались ему присвоить. Первую попытку он отбил, а потом согласился и жалел об этом.

07.05.1975, 16.06.1977

...Писатель В. В. Карпов очень просил меня устроить ему встречу с Молотовым. Я уговорил Молотова, и встреча состоялась. Карпов сказал, что собирается написать роман «Генералиссимус Сталин»:

— Хочу написать о Сталине правдиво. А написать о нем правдиво — это значит написать положительно.

— Но имейте в виду, — сказал Молотов, — Сталин — сложная очень фигура. Просто личной симпатии недостаточно. Это хорошо, конечно, без этого и нельзя написать то, что надо, но у него большие особенности, требующие понимания эпохи, обстановки. И все-таки только как военного вы его не можете показать. Главное в нем — политик. Такую роль он играл в политике страны, в истории. Теперь это затушевывается. Много всякой шантрапы. Они свое дело делают, да.

...Разговор зашел о присвоении Сталину звания Героя Советского Союза после войны. Сталин сказал, что он не подходит под статус Героя Советского Союза. Героя присваивают за лично проявленное мужество.

«Я такого мужества не проявил», — сказал Сталин.

И не взял Звезду. Его только рисовали на портретах с этой Звездой. Когда он умер, Золотую Звезду Героя Советского Союза выдал начальник Наградного отдела. Ее прикололи на подушку и несли на похоронах.

— Сталин носил только одну Звездочку — Героя Социалистического Труда. Я иногда надевал орден Ленина, — добавляет Молотов.

Упорно предлагали одно время Москву переименовать в город Сталин. Очень упорно! Я возражал. Каганович предлагал. Высказывался: «Есть не только ленинизм, но и сталинизм!»

Сталин возмущался.

16.06.1977

Вот национальный вопрос, индустриализация, коллективизация. Война. Могут сказать, война — это не теория, а практика. Нет, это не только практика. Сталин и здесь обобщил очень многое. Он глубоко смотрел. Например, говорил: почему немцы в войнах оказывались в более выгодном положении? Потому что они по кадрам, по культуре опережали, много внимания уделяли передовой артиллерии, это бог войны. Русские в смысле артиллерии старались не отставать, придавали ей большое значение, но отставали. В этой-то войне Гитлер не имел настоящей хорошей артиллерии, он на блицкриг рассчитывал. А Сталин теоретически очень хорошо обдумал: нет, блицкригом не возьмешь Россию, Со-

ветский Союз — большая страна, советский народ — большой народ. Немцы рассчитывали, что будет короткая война, так как они хорошо вооружены и подготовлены. И поэтому большой, крепкой артиллерии они не готовили. Для танков, для самолетов то, что нужно, они имели. Гитлеровцы думали, что танки и авиация плюс хорошая пехота, которая у них была, обеспечат им победу. И маневренность, конечно. И поэтому они пользовались ударными группами, особенно танковыми, умели сконцентрировать и ударить. Большими ударными клиньями танков проламывали наш фронт, а потом в прореху бросали пехоту.

Сталин пошел дальше. Он не только все это использовал. Он создал артиллерийские армии, чего не было у немцев. Как надо вести наступление? Во-первых, авиация должна бомбить, хорошенько. Начинать она должна, потом артиллерия продолжает, дальняя артиллерия, только после этого танки, а после танков — пехота. Четыре этапа развития наступления Сталин разработал глубоко. Не знаю, были ли у немцев дивизии артиллерийские, у нас были дивизии, а к концу войны — уже армии артиллерийские. Такая масса артиллерии, она пройдет любой фронт. Это у нас применялось. Дивизии, во всяком случае. Может, только говорилось об армиях. Но это уже готовилось.

В первые же месяцы войны, а по-моему, даже перед войной, Сталин заметил, что командующие не умеют управлять всеми видами войск сразу. Я не вижу, чтоб это где-то у наших военных было отражено, не вижу.

Он занимался подготовкой командующих нового типа, которые владели управлением всеми видами войск. Сталин еще в начале 30-х годов на параде сказал Буденному насчет тачанок: «Не пора ли это все в музей?» Но кавалерию надо было использовать эффективно, с наименьшим ущербом и с наибольшим результатом. Этого командующие наши не понимали. Не говоря уж о Ворошилове.

Сталин был не военный, но с руководством вооруженными силами справился хорошо. Хорошо. Никакой нарком не руководил авиацией, а руководил Сталин, и военно-морскими делами руководил Сталин, и артиллерией — Сталин. Были и ошибки. Они неизбежны, но все шло, и это накачивание новой техники военной — под его началом. Этого почти никто не знает.

04.11.1976

...Рассказываю Молотову:

— Голованов в своих мемуарах пишет, что не маршал артиллерии Воронов, а именно Сталин определил основной удар артиллерии под Сталинградом, и об этом надо было бы вспомнить уважаемому Николаю Николаевичу, а он почему-то забыл об этом написать в своей книге.

— Это верно, — согласился Молотов, — Голованов мог всего не знать, но это правильно. (Мне рассказывал Чрезвычайный и полномочный посол В. Семенов, что на большом собрании в Кремле Хрущев заявил: «Здесь присутствует начальник Генерального штаба Соколовский, он подтвердит, что Сталин не разбирался в военных вопросах. Правильно я говорю?» — «Никак нет, Никита Сергеевич», — ответил Маршал Советского Союза В. Соколовский. — Ф. Ч.)

18.02.1977

Читаю Молотову выдержки из книги Авторханова о 22 июня 1941 года: «Приехали к нему на дачу и предложили выступить с обращением к народу. Сталин наотрез отказался. Тогда поручили Молотову...»

— Да, правильно, приблизительно так.

— «Сталину предложили возглавить Главное командование Красной Армии — отказался».

— Ну зачем ему все брать на себя? Он и так оставался во главе, но не завален мелочами, второстепенными вопросами. Это правильно он делал, конечно.

— «Когда члены Политбюро начали напоминать Сталину о его личной ответственности в случае катастрофы, Сталин перешел в контрнаступление и обвинил Молотова в предательстве...»

— Молотова?

— Да, «...за подписание Пакта с Риббентропом».

— Ну, знаете, абсурд! Сталин же там был. Все это было по его инициативе, по сути дела.

— «Ворошилова и Жданова назвал саботажниками соглашения с англо-французской миссией...»

— Ну, неправильно.

— «На возражение, что все это делалось ведь по прямому предложению лично Сталина, Сталин с несвойственной ему горячностью вскочил с места, обложил всех матом и исчез в один из своих тайников...»

— Ну, ну.

— Приводит слова Хрущева: «Я знаю, каким героем он был. Я видел его, когда он был парализован от страха перед Гитлером, как кролик, загипнотизированный удавом».

— Ну конечно, он переживал, но на кролика не похож, конечно. Дня два-три он не показывался, на даче находился. Он переживал, безусловно, был немножко подавлен. Но всем было очень трудно, а ему особенно.

— Якобы был у него Берия, и Сталин сказал: «Все потеряно, я сдаюсь».

— Не так. Трудно сказать, 22-го или 23-го это было, такое время, когда сливался один день с другим. «Я сдаюсь» — таких слов я не слышал. И считаю их маловероятными.

— Авторханов пишет о Евгении Аллилуевой, тетке Светланы, которая пришла к Сталину в августе 1941 года и была поражена его паническим настроением.

— Нет, тогда он уже оправился. Когда он стал министром военным? 30 июня?

— «Формально Верховным был Сталин, фактически — его замы, по армии — Жуков, по войскам НКВД — Берия». Ну как?

— Так нельзя сказать.

— «Политически ставка находилась в руках Берии и Маленкова».

— По-моему, так тоже нельзя сказать.

— Он пишет об интригах Жданова против Маленкова и Жукова, о том, что Жуков был протее Маленкова...

— В какой-то мере, Маленков поддерживал его. Сказать, что протее, не подходит, по-моему. <...>

И. Г. ЭРЕНБУРГ

Война

<Избранные очерки>

В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

С негодованием, с гневом узнали мы о разбойном нападении германских фашистов на наши советские города. Не словами